

ПРОЛОГ

День убийства

Мой муж Мэттью умер не по сезону холодным августовским днем во время ужина. Мы были вместе чуть больше десяти лет, женаты — пять из них, и да, мы любили друг друга. Но любовь меняется со временем, и, должен признаться, в те последние мгновения, когда я знал, что он умирает, на фоне ужаса, крови и шока моя любовь к нему была не такой абсолютной, как можно было бы ожидать. Даже после всего, что произошло. Когда мы женились, мысль о том, чтобы потерять его, вызвала бы во мне волну опустошения. Подобное не укладывалось в голову. И я думал, что так будет всегда. Потребовалось случиться худшему, чтобы я понял, что не всегда все происходит так, как мы думаем.

Больше в моем сознании отложилось не то, как нож входил в плоть, и не ужасный звук, который издал Мэттью, когда осознал, что произошло. Больше всего мне запомнилось, как он порывался заговорить. Он пытался что-то сказать, что-то явно очень важное для него. А я не мог разобрать слов. У него не получалось произнести их достаточно внятно, чтобы передать смысл. Я даже не рисковал предположить. Возможно, там было слово «после», хотя я не уверен. И эта неизвестность, это бессилие породили вопросы и размыш-

ления о том, что же он хотел сказать мне в свои последние секунды.

Рейчел с ножом в руке спокойно сидела на стуле и звонила в полицию. Тем вечером ее даже не должно было быть у нас. Но я привык к ее отличительной черте: всегда находить способ оказаться в местах, ситуациях и мероприятиях, которые обошлись бы и без нее. Всегда посторонняя. Однако не сегодня. Сегодня ей принадлежала главная роль.

Прибывшие полицейские арестовали ее на месте. Она ведь призналась. Она сидела, держа нож, в глазах блестели слезы.

— Это сделала я, — тихо, но уверенно сказала она. — Я его убила.

Они уже собирались увести ее, когда младший из двух полицейских задал ей вопрос. Вопрос на миллион долларов, как говорится.

— Почему вы убили его, Рейчел?

Подозреваю, что старший полицейский хотел бы сохранить подобное для допросной, но все равно повернулся послушать ответ. Но лицо Рейчел оставалось невозмутимым. Лишь на мгновение его спокойную поверхность потревожила рябь эмоции. Потом она просто покачала головой и опустила ее.

— Я не могу, — сказала она и больше не произнесла ни слова.

Ее увели, чтобы поместить под стражу, а еще один полицейский остался, чтобы отвезти нас с Титусом в участок в машине с мигалками. Мне пришлось уговаривать Титуса выйти из комнаты. Он лежал на кровати, завернувшись в одеяла и отгородившись от ужаса окружающего мира наушниками. Перед собой он держал старый памятный альбом. В детстве он делал такие на каждом школьных каникулах. По-видимому, так делала сестра Мэттью. Он как-то рассказывал мне

об этом, когда мы смотрели, как маленький Титус клеит распечатанные фотографии. Я не понял, радовался ли он увлечению мальчика или был обеспокоен. И меня нервировало, что сейчас, после сцены насилия в кухне, Титус потянулся к альбому, заполненному фотографиями нашей счастливой семьи.

— Нам надо ехать, — мягко сказал я. — Полиция здесь. Надо поехать в участок, чтобы они побеседовали с нами.

Полицейский за спиной сказал, что нам обоим надо спуститься. Он подошел и встал близко, ясно давая понять, что выбора у нас нет.

Я видел, как по лицу Титуса катятся слезы, и мне хотелось обнять его и сказать, что все хорошо. Но он отпрянул от меня.

— Пожалуйста, Титус. Нам надо ехать. Они уже забрали Рейчел.

При этих словах, как я и подозревал, он поднял голову.

— Рейчел призналась. Она сказала, что сделала это.

Он встал, и светлая челка упала ему на лицо, промокнув от слез.

— Но... почему?

Последнее слово он произнес одними губами. Я пристально смотрел на него, в воздухе между нами повис вопрос без ответа. Почему Рейчел призналась в убийстве, которого не совершала?

ГЛАВА 1

ЧАРЛИ

За одиннадцать месяцев до

Впервые мы с Рейчел встретились в книжном магазине. Мы с Мэттью поехали в город, оставив Титуса дома с моей мамой печь кексы. Когда мы решили поселиться в Челси, я боялся, что мама, живущая в соседней Белгравии, попытается контролировать нашу жизнь, но в основном мы прекрасно обходились, а она заглядывала пару раз в неделю.

Поход в «Уотерстоунс» на Кингс-роуд был моей идеей. Я хотел выбрать книгу с пафосным названием, о которой прочел в одной из утренних газет, больше ради того, чтобы меня увидели читающим ее, нежели для удовольствия. Мэттью всегда критиковал это. «Ты относишься к книгам, как к аксессуарам». Последнее слово он произнес с полнейшим презрением, а его красивое лицо расплылось в хитрой улыбочке. Он меня подначивал, а я заглотив наживку и ответил, что это мое личное дело — что читать и почему.

В «Уотерстоунс» Мэттью отправился прямоком в раздел фэнтези, вероятно, выбрать книгу, которая по размеру могла бы сойти за весьма действенное оружие, а я рассматривал прилавки с новинками. Я нашел книгу, которую хотел, и как раз потянулся за ней, но наткнулся на чужую руку.

— Ой, простите, — засмеялась она, отдернув руку.

Я поднял глаза. Волнистые светлые волосы, яркие голубые глаза. Было в ней что-то живое. Задорное. Беззаботное. словно ее принесло ветром. Она оглядела меня с головы до пят, как часто делали женщины. Я замечал это всю свою взрослую жизнь. На самом деле, даже дольше. Когда я был юношей, на поле для регби мне всегда кто-нибудь свистел, а в клубах находилась компания девушек, желающих пообщаться. По мере взросления, после двадцати и сейчас, когда мне уже за тридцать, знаки внимания стали более тонкими, но никуда не делись. Иногда я задавался вопросом, не испортило ли меня каким-то образом то, что мне единственному в своей компании доставались все взгляды. В юности мой друг Арчи дразнил меня «чудо-мальчиком» и шуточно пихал в бок, когда девушки моментально появлялись рядом, стоило нам войти в бар. Он обожал «момент», как он это называл, когда они подкатывали ко мне, предлагая угостить их выпивкой, а я выдавал свою лучшую извиняющуюся улыбку и говорил, что с удовольствием куплю им выпить, но прошу прощения, потому что предпочитаю парней, а не девушек. Обычно после секундного разочарования (которое — сейчас мне несколько горько это признавать — подпитывало мое эго) они оставались дружелюбными, но чаще переносили свое внимание на Арчи или других моих спутников. А иногда просто оставались поболтать. Меня устраивало и то, и другое.

С Рейчел мы не дошли до этой точки. Тогда я и не знал, что ее зовут Рейчел. Она была просто женщиной, которая пришла купить такую же книгу, что и я. Но, когда наши руки отдернулись друг от друга, а глаза встретились, я каким-то образом понял, что она станет частью нашей жизни. Вот только не знал, насколько большой.

— Извините, вы первая, — улыбнулся я.

Еще один короткий смешок.

— Нет, вы, честно.

Я покачал головой:

— Я даже не знаю, куплю ли ее. Вы выглядите более уверенной.

Это была неправда. Я знал, что куплю книгу, но такая уж была у меня привычка — выдавать легкомысленные фразочки. Часть моей постоянной потребности создавать непринужденную обстановку. Через несколько секунд мы уже разговаривали о рецензии на эту книгу в «Обзержере» и о том, что предыдущим вечером ее обсуждали в «Субботнем обозрении» на «Радио 4». Она кивала, улыбаясь, и упомянула другие книги автора, но я признался, что не читал ни одну.

— Настоящий читатель у меня муж, — сказал я, кивая на Мэттью, который стоял у столов с книгами в мягких обложках и табличкой «Вторая книга за полцены». — В основном фэнтези, но другие книги тоже.

В этот момент в ее взгляде что-то промелькнуло. Тогда я подумал, что это типичное легкое разочарование из-за того, что я женат, в сочетании с удивлением, что женат на мужчине. Но, конечно, оглядываясь назад, я понимаю, что это было нечто более зловещее. Однако в тот момент это в очередной раз потешило мое эго. Как-то раз я рассказал Мэттью про теорию двойного облома и про свою уверенность в том, что каждый раз видел разочарование в глазах женщин. Мы отдыхали с ребятами, Арчи и Джордж рядом с нами планомерно напивались, и я ожидал, что все засмеются, но Мэттью не было смешно. Он только покачал головой и сказал:

— Пожалуйста, пожалуйста, пожалуйста, любимый, никогда не допускай мысли, будто постиг, как думают женщины. Это не располагает.

И с лишь наполовину притворной серьезностью положил ладонь на мое колено.

— Почему нет? — удивился я.

— Потому что это звучит самодовольно, высокомерно и, может, чуточку сексистски.

С этими словами он пошел за новым пивом, оставив меня растерянно смотреть на друзей.

Из-за всего этого я не планировал рассказывать Мэттью о женщине из «Уотерстоунс». Мы попрощались, и она пошла оплачивать увесистый том, а я продолжил осмотр, зажав книгу под мышкой. Но всего через полчаса мы снова встретились в продуктовом отделе в «Маркс и Спенсер» через дорогу. «Каковы шансы?» — подумал я. Она пыталась балансировать две пачки сыра халуми поверх лотка с малиной.

— Интересное сочетание, — прокомментировал я и вновь услышал ее приятный, живой смех. А затем, поскольку было бы странно и неловко этого не сделать, я представил ей Мэттью, она поздоровалась, и тут я понял, что на самом деле не знаю ее имени, как и она моего.

— Я Рейчел, — сказала она. — Только что переехала.

— С севера? — спросил я и добавил: — Простите, я заметил акцент.

Она слегка запнулась с ответом — может быть, ее покорило предположение — но все равно улыбнулась:

— Да, из Йоркшира.

Мэттью кивнул:

— Очень хорошо.

Даже я, самый общительный парень, которого можно встретить, к этому времени начал волноваться, как бы нам закончить разговор, чтобы это не выглядело странным. Просто чтобы сказать хоть что-нибудь,

я кивнул на пакет из «Уотерстоунс», висевший у нее на руке, уголки твердой обложки слегка впивались в ее кожу.

— Вижу, вы взяли не только наш общий интерес.

Рейчел посмотрела на пакет, как будто только что его заметила, и одна из пачек халуми выпала и покати-лась по полу. Мэттью поймал сыр, а Рейчел, неловко засмеявшись, достала несколько книг.

— Парень за прилавком сказал, что эти хороши.

Я посмотрел на обложки: традиционные детективы для книжных клубов. Больше во вкусе Мэттью, чем в моем.

— О, мы выбрали эту для следующей встречи нашего книжного клуба, — сказал он, показывая на голубую обложку с маяком и женским профилем.

— Какое совпадение. Мне не терпится ее начать.

— Вы должны прийти, — с энтузиазмом сказал Мэттью. — Мы всегда ищем новых участников.

«Какого хрена?» Одно дело доброжелательность, а другое — странность. Этой случайной женщине не нужно приглашение в его книжный клуб. Я внутренне поморщился от неуместности, но, к моему удивлению, она не отказалась, сказав, что у нее много дел и это хорошая идея, но «спасибо, все в порядке» — ничего такого. На самом деле она улыбнулась и кивнула, распахнув глаза.

— Это было бы замечательно. Если вы не против незваных гостей.

— Вы не будете незванным гостем, — отмахнулся от ее возражений Мэттью. — Будем только я и несколько друзей.

— Звучит здорово, — сказала она, продолжая кивать.

— Они немного старше... нас, но мы все обожаем читать. Вы могли слышать про одного из них... Джером

Найтли. Он актер. Много снимался в британских романах в начале нулевых.

Рейчел явно слышала о нем.

— Да, ого... Не думала, что актеры занимаются обычными вещами вроде участия в книжных клубах.

— Оказывается, они всего лишь люди, — сказал Мэттью, и оба засмеялись.

На том и порешили. Она достала телефон. Он достал свой. Обменялись номерами. А я стоял и смотрел, как какой-нибудь посторонний, пока эти двое договаривались.

— Следующая встреча будет у нас дома, на Карлайл-сквер, — объяснял Мэттью. — Обычно все приходит около семи вечера. Мы собираемся у всех по очереди, но вы не обязаны.

Затем он дал ей, абсолютно незнакомому человеку, наш домашний адрес — адрес, где жили и спали мы и наш сын, — а затем пришла пора прощаться.

— Жду с нетерпением. Это задало мне настроение на всю неделю вперед, — крикнула нам вслед Рейчел, после чего скрылась в направлении касс.

— Что ж, это было мило, — сказал Мэттью с неподдельно счастливым видом, определенно довольный тем, что завел нового друга посреди рядов охлажденных продуктов.

Я коротко улыбнулся ему и положил в нашу тележку упаковку деликатесных бургеров.

— Что? — спросил Мэттью.

Он понял, что я немного злился из-за всего разговора. На самом деле, «злился» неподходящее слово. Был ошарашен, пожалуй. Во всяком случае, я считал, что это как-то... быстро. И было что-то странное в том, как Рейчел моментально ухватилась за идею присоединиться к книжному клубу, вплоть до договоренности прийти к нам домой через две недели.

— Ничего, — сказал я, слегка качнув головой.

Мэттью закатил глаза, что взбесило меня еще больше.

Домой мы шли практически в молчании. Единственным замечанием Мэттью было то, что Крофт-филды, живущие на другой стороне площади, недавно купили новый гибридный «БМВ». Дома Титус испек два кекса, а также поднос печенья, моя мама уже наслаждалась кусочком лимонного кекса, устроившись на одном из барных стульев, а из музыкального центра в гостиной доносилась программа «Диски необитаемого острова»*.

— Бабушка делала глазурь, — объявил Титус, пододвигая ко мне подставку с кексом. — Но кексы делал я, конечно.

— Выглядит вкусно, — похвалил я. — Можем сфотографироваться?

Мама неодобрительно хмыкнула.

— Тебе необязательно быть в кадре, — сказал я, вздохнув. — Если хочешь, можешь нас сфотографировать.

Она не ответила на это, а наклонила голову в сторону радио, как будто ее по-настоящему интересовало, что вышедший в тираж старый поп-исполнитель рассказывал Лорен Лаверн о своей борьбе с алкоголизмом. Маме не нравится идея «Инстаграма». Она пользуется «Фейсбуком» и то только для того, чтобы вместе с другими соседями понять в безопасности закрытой группы про таксистов-иммигрантов и бездомных — новый вид подглядывания из-за занавески для высших слоев.

* Популярная программа на «Радио 4 Би-Би-Си», в которой гостей просят назвать восемь музыкальных записей, книгу и предмет роскоши, которые они взяли бы на необитаемый остров.

У нас особые отношения с «Инстаграмом». Вернее, сначала были только у меня. Я, наверное, был одним из последних, когда все мои приятели в офисе начали пользоваться им и говорить мне, что я не в теме. Арчи и другие бывшие одноклассники тоже. Это постоянно напоминало школьные дни, когда один человек оставался за бортом компании из-за какого-то пустяка. Мы как будто вдруг вернулись в прошлое: я не был частью «крутой компании», потому что у меня не было «Инстаграма». Я не фотографировал воскресным утром французские тосты или яйца Бенедикт, не просил никого щелкнуть мой рельефный торс на пляже, пока я беззаботно выхожу из моторной лодки, держа в одной руке бокал с чем-то пузырящимся, а другой обнимая своего спутника. А потом, как-то неожиданно, стал делать именно это. Я скачал «Инстаграм» однажды в пятницу вечером, когда простудился и не мог присоединиться к парням на вечеринке с бильярдом и громкой музыкой. Шел две тысячи тринадцатый год, как раз перед тем, как мы с Мэттью начали встречаться. Мне было одиноко и скучно, и я просто скачал приложение, чтобы посмотреть, о чем столько разговоров. Первым я сфотографировал бургер, который приготовил из картофельных оладий, толстых кусков чеддера, бекона и ломтика жареной курицы. С хэштегом фуд-порно*. Людям понравилось.

Так что в следующие недели и месяцы я продолжил. Парни дразнили меня лицемером. Потом стали ревновать, потому что то, что я постил, работало. Людям нравилось. Признаю, моя внешность тоже помогала. Об этом говорилось во многих комментариях. Об этом и о моей физической форме. Скоро меня стали называть «Горячий Чарли», звать на свидания в сообщениях

* Идеализированное визуальное изображение еды в рекламе, блогах, кулинарных шоу и других визуальных медиа.

и даже отмечать меня в постах с признаниями в любви и пожеланиями иметь от меня детей. Такое внимание не проходит бесследно. Не хочется останавливаться. И я продолжал. Все в моей жизни стало документироваться. Ну, почти все. Определенный, очень фотогеничный срез моей жизни. Обработанный, отрегулированный по цветам и зафильтрованный до чертиков, прежде чем быть представленным в лучшее время дня «моей аудитории».

Тогда я был чуть более дерзким. Встречались умеренно пикантные кадры или мои фото, идеально взерошенного, только что проснувшегося в постели другого парня, с хэштегом утро-после-вчерашней-ночи. Один или два снимка наших с Арчи задниц на вершине какой-то горы во время отпуска. Но я полностью их вычистил, когда начал встречаться с Мэттью. Просто он казался таким безупречным. Таким идеальным. Это действительно заставило меня посмотреть на фото в моей ленте со смущением, устыдиться, что я когда-то считал подобные детские глупости привлекательными или симпатичными. Я в одночасье переключился на приукрашенную, идеальную картинку жизни молодой пары в Лондоне. Тем более, что в комплекте с Мэттью, так сказать, шел маленький Титус, которому в то время не было и девяти лет, совершенно очаровательный, как любой ребенок. На самом деле мой жизненный план не предусматривал детей... пока я не увидел Мэттью с Титусом. И понял: это то, что мне нужно. Быть частью этого. Принадлежать к такому целому. Так я стал папой, как Мэттью, и скоро у Титуса было два образцовых отца, и мы стали умильными однополыми королями «Инстаграма».

Я не был наивным и знал: многие любят нас, потому что мы родители-геи, и не обратили бы внимания на наши фото, если бы мы были парнем и девушкой.

Периодически приходилось сталкиваться и с грубостью — сначала такие комментарии меня беспокоили, но потом я лишь закатывал глаза и пожимал плечами. Не все давалось легко. Над фотографиями наших «веселых прогулок» приходилось слегка потрудиться. Некоторые требовали кропотливой постановки, чтобы выглядеть спонтанными и естественными. Мои подписчики заглядывали их, лайкая фотки одинокого очаровательного плейбоя, ставшего семейным человеком, с настолько идеальной семейной жизнью, словно она создана в лаборатории.

Однако, недостаточно идеальной для моей мамы. Она считала это пустым и поверхностным и, пока я фотографировал улыбавшегося Титуса с куском кекса в руке и наклонившегося к нему Мэттью с широко разинутым в притворной жадности ртом, коротко покачала головой.

— Людям такое нравится, мам, — сказал я, просматривая получившиеся снимки и выбирая те, на которых в глазах Титуса светилось нужное количество естественного счастья. — Это мило. Это сладко. Это забавно.

— Как скажешь, — ответила мама, поднимая с одного из диванов брошенный там «Обзервер», чтобы просмотреть ежемесячное кулинарное приложение. Саму газету она никогда не читала, считая ее левой газетенкой.

— Удачно сходили по магазинам? — спросила она, просматривая статью Найджела Слейтера с полезными советами по садоводству.

Я прошел мимо нее и сел на диван напротив, держа в руке тарелку с двумя печеньями.

— Да, купили книгу, которую я хотел, и продукты для ужина.